

ИЗВЕСТИЯ РУССКОГО ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

ВЫПУСК ТРИНАДЦАТЫЙ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2003

Редакционная коллегия: А.В.Краско, А.В.Родионов, И.В.Сахаров (главный редактор). Ответственный секретарь: Ю.Н.Полянская.

Редактор-библиограф: А.Р.Румянцев.

Подготовка иллюстраций к печати: Н.А.Миронов, И.В.Подопригора, М.И.Прохорцов. Верстка и оформление: П.М.Косенков, Ю.Н.Полянская.

13-й выпуск "Известий Русского генеалогического общества" открывает статья А.В.Родионова, в которой автор, генетик и генеалог, подробно характеризует этнодемографическую ситуацию в поморских селах на побережье Онежского полуострова и показывает, какие интересные комплексные генеалогические и генетические исследования могут быть проведены в этих демографических изолятах. А.С.Дубин пишет о семейных неурядицах, которыми была отмечена семейная жизнь целого ряда членов рода князей Несвицких. Значительную часть выпуска составляют статьи И.В.Сахарова, написанные к 100-летию со дня кончины Н.Н.Селифонтова (1835-1900), видного государственного деятеля и генеалoga, одного из учредителей Русского генеалогического общества в 1897 г. В них идет речь о предках и родственном окружении ученого, рассказано о его личном архиве, уточняется вопрос о месте его рождения, детально рассмотрен спорный вопрос о том, где и когда родился его отец. Завершает выпуск хроника работы РГО в мае-июне 2003 г.

Настоящий выпуск журнала издан при финансовой поддержке члена РГО А.С.Желтова, Генерального директора фирмы "Экстур" (Вологда).

Адрес редколлегии: 191060, Санкт-Петербург, ул.Садовая, 18. Российская национальная библиотека. Русское генеалогическое общество.

Тел.: (812)110-57-72; факс: (812) 310-61-48 (Институт генеалогических исследований); e-mail: rgo@nlr.ru

Печатается по постановлению Совета РГО.

Подписано к печати 1.09.03. Формат 60×84/16. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5. Уч. изд. л. 7,0. Тираж 500 экз. Заказ № 137.

Отпечатано с готового оригинал-макета
на участке ОП Издательства "Российская национальная библиотека"
191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18.

Содержание

А.В. Родионов. Поморские селения Онежского берега как полигон комплексных генеалогических и генетических исследований.....	5
А.С. Дубин. Неурядицы в семейной жизни князей Несвицких	41
И.В. Сахаров. <i>Материалы к 100-летию со дня смерти Н.Н.Селифонтова:</i>	
1. Предки, семья и родственное окружение Николая Николаевича Селифонтова (1835-1900)	57
2. Личный фонд Н.Н.Селифонтова в Российской национальной библиотеке. Краткий обзор.....	87
3. Еще раз к вопросу о месте рождения Н.Н.Селифонтова.....	92
4. Где и когда родился отец Н.Н.Селифонтова Николай Иванович Селифонтов?.....	98
Хроника работы Русского генеалогического общества. Май-июнь 2003 г.....	107
Алфавитный указатель.....	118

Contents

A.V.Rodionov. The coastal settlements of the Onega Peninsula as a rich field for complex genealogical and genetic researches.....	5
A.S.Doubine. Family troubles among the Princes Nesvitsky.....	41
I.V.Sakharov. <i>Papers given to mark the 100th anniversary of the death of N.N. Selifontov:</i>	
1. The ancestors, family and kin of N.N.Selifontov (1835-1900).....	57
2. N.N.Selifontov's personal archives in the Russian National Library.....	87
3. Further reflections on the question of N.N.Selifontov's birthplace.....	92
4. Where and when was N.N.Selifontov's father born ?	98
Chronicle of the activities of the Russian Genealogical Society. May – June 2003.....	107
Index of names.....	118

Sommaire

A.V.Rodionov. Un champ d'investigation prometteur du point de vue g�n�alogo-g�n�tique : les villages c�tiers de la p�ninsule d'On�ga.....	5
S.Doubine. Troubles familiaux parmi les princes Nesvitsky.....	41
I.V.Sakharov. Une s�rie d'articles � l'occasion du centenaire de la mort de N.N.Selifontov:	
1. Les anc�tres et l'entourage familial de N.N.Selifontov (1835-1900).....	57
2. Les archives personnelles de N.N.Selifontov � la Biblioth�que Nationale de Russie.....	87
3. Encore quelques r�flexions sur le lieu de naissance de N.N.Selifontov.....	92
4. O� et quand �tait n� le p�re de N.N.Selifontov?	98
Chronique des activit�s de la Soci�t� g�n�alogique russe.	
Mai – juin 2003.....	107
Index des noms.....	118

A.V. Родионов*

ПОМОРСКИЕ СЕЛЕНИЯ ОНЕЖСКОГО БЕРЕГА КАК ПОЛИГОН КОМПЛЕКСНЫХ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ И ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Памяти моего отца
Викентия Александровича Родионова

Сфера приложения результатов генеалогических исследований не исчерпывается гуманитарными дисциплинами. Предмет генеалогии – не только родственные связи субъектов исторического действия. Так, генеалогический метод – один из основных подходов в изучении генетики человека. Сравнительная молекулы ДНК, передающиеся по мужской или женской линиям, генетики имеют реальную возможность не только исследовать механизмы наследственных болезней¹, но и изучать родственные связи ныне живущих индивидуумов², проверять некоторые историко-родословные гипотезы (например, решать вопросы принадлежности захоронений тому или иному роду³, верифицировать родословные легенды, возводящие род к легендар-

* Александр Викентьевич Родионов, доктор биологических наук, заведующий лабораторией биосистематики Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес для переписки: biocyt@rednet.ru

¹ Фогель Ф., Мотульски А. Генетика человека. М., 1989-1990. Т.1-3; Баранов В.С., Баранова Е.В., Иващенко Т.Э., Асеев М.В. Геном человека и гены предрасположенности. СПб., 2000.

² Sykes R., Irven C. Surnames and the Y chromosome // American Journal of Human Genetics. 2000. Vol. 66. P. 1417-1419.

³ Gill P., Ivanov P.L., Kimpton C. et al. Identification of the Romanov family by DNA analysis // Nature Genetics. 1994. Vol. 6. P. 130-135; Погаев Е.И., Овчинников И.В., Джорж-Хислор П., Погаева Е.А. Сравнение последовательностей митохондриальной ДНК Т.Н. Куликовского-Романова, племянника царя Николая II Романова, и ДНК предполагаемых останков царя // Генетика. 1996. Т. 32, №12. С.1690-1692; Jehaes E., Decotre R., Peneau A. et al. Mitochondrial DNA analysis on remains of a putative son of Louis XVI, King of France and Marie-Antoinette // European Journal of Human Genetics. 1998. Vol. 6. P. 383-395; Weichhold G.M., Bark J.E., Korte W. et al. DNA analysis in the case of Kaspar Hauser // International Journal of Legal Medicine. 1998. Vol. 111. P. 287-291.

⁴ Foster E.A., Jobling M.A., Taylor P.G. et al. Jefferson fathered slave's last child. - Nature. 1998. Vol. 396. P. 27-28; Thomas M.G., Skorecki K., Ben-Ami H. et al. Origins of Old Testament priests // Nature. 1998. Vol. 394. P. 138-140.

ным предкам⁴), и даже отвечать на вопросы, которые ранее уверенно разрешались лишь в эпических сказаниях, – определять время происхождения и родственные связи народов и этнических групп⁵. Актуальной проблемой стало при этом создание баз генеалогических данных – построение генеалогических схем семей или групп семей, ныне живущие члены которых могут стать объектом современных генетических исследований. Это позволяет получать материал для исследования ДНК целенаправленно, на основании предварительно построенных родословных древ. В сущности, речь идет о предварительной генеалогической разработке нескольких или многих полигонов, представляющих те или иные социальные и/или демографические группы, интересные с медико-генетической, демографической или историко-генеалогической точек зрения.

Цель данной статьи – дать историко-генеалогическое описание одного из потенциальных полигонов таких комплексных генетических и генеалогических исследований. Речь пойдет о поморах Онежского берега Белого моря.

Status in statu

Онежским берегом называют юго-западное побережье Онежского полуострова (рис. 1). На Онежском берегу, на расстоянии двадцати пяти – тридцати километров друг от друга, располагаются села Покровское, Тамица, Кянда, Нижмозеро, Пурнема, Лямца, затем, через семидесятикилометровый интервал, Пушлахта и, наконец, Летняя Золотица. Села Онежского берега почти не затронуты индустриализацией и связанной с ней миграцией, что отличает их от большинства сел Поморского и Карельского берегов. Большинство из них избежало участи "неперспективных" деревень Средней России и многих селений Терского и Зимнего берегов – по сей день это многодворные, хорошо сохранившиеся поселения с постоянно живущим, почти исключительно местным по происхождению населением. В обсуждаемом контексте важно, что рассеянные по стране выходцы из этих поморских сел не утратили связи со своей "малой родиной" – потомки большинства местных родов, известных нам по документам XVIII–XIX вв., более или менее регулярно приезжают в свои родовые "вотчины" и потому доступны для современного исследователя с ранней весны до поздней осени.

⁵ Kittles R.A., Perola M., Peltonen L. et al. Dual origins of Finns revealed by Y chromosome haplotype variation // American Journal of Human Genetics. 1998. Vol. 62. P. 1171–1179; Lucotte G., Smets P. Origins of Falasha Jews studied by haplotypes of the Y chromosome // Human Biology. 1999. Vol. 71. P. 989–993.

Условные обозначения:

- 1 – г. Онега
- 2 – Покровское
- 3 – Тамица
- 4 – Кянда
- 5 – Нижмозеро
- 6 – Пурнема
- 7 – Лямца
- 8 – Пушлахта
- 9 – Летняя Золотица
- 10 – река Онега
- 11 – река Северная Двина
- ЗБ – Зимний берег
- ЛБ – Летний берег
- ОБ – Онежский берег
- ПБ – Поморский берег

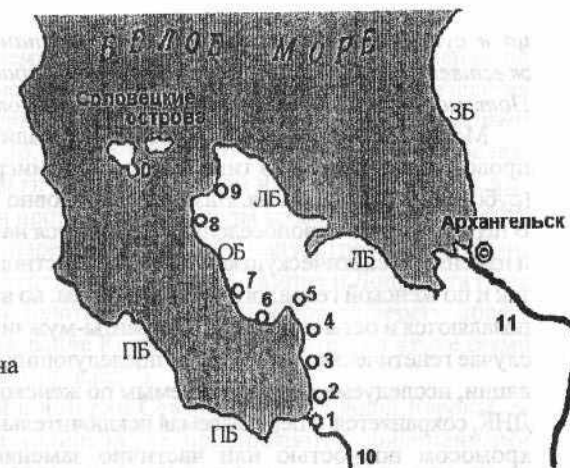

Рис. 1. Селения Онежского берега Белого моря.

Два возможных сценария формирования генофонда поморского субэтноса

В истории едва ли не каждой обитаемой территории периоды относительной генетической изолированности, когда браки заключались почти исключительно между членами местного социума, сменялись периодами, для которых был характерен приток новых, более или менее инородных поселенцев. Не только культурные (лингвистические, этносоциальные, социально-экономические), но и генетические последствия появления каждой следующей волны переселенцев среди "аборигенов" могут быть разными. Иногда мигранты полностью "физически" вытесняют предшествующее население. Вспомним распространенные по всему Беломорью легенды об уходе "чуди белоглазого" после появления новгородцев: "Чудь в землю ушла <...> живьем закопалась"; "первые годы соседи жили в миру, да строптивка была чудь... <...>, погнали чудь из города"⁶. В других случаях возникает смешанная популяция, новая общность, в той или иной степени отличающаяся от предшествующей по генетической (геномной) композиции: "От тех населенцев чудского племени взята была в деревню Михалевскую дев-

⁶ Ефименко П.С. Заволоцкая чудь. Архангельск. 1869. С. 10, 21; Криничная Н.А. Предания Русского Севера. СПб., 1991. С. 68–74.

ца в супружество за крестьянина Черепанова. Девушка эта была мужественна, имела необыкновенную силу в сравнении с прочими девушками. Потомство же ее уже никак не отличалось от новых ее земляков"⁷.

Молекулярная генеалогия позволяет различать два типа миграций, сопровождаемых разного типа метисацией мигрантов и предшествующего (субстратного) населения. Назовем их условно "переселением" и "набегом". В первом случае новопоселенцы появляются на новых территориях семьями и изменяют генетическую конституцию местного населения как по мужской, так и по женской генеалогическим линиям, во втором - на новой территории появляются и остаются только мигранты-мужчины. Как следствие, во втором случае генетическая композиция последующих поколений "туземной" популяции, исследуемая по наследуемым по женской линии митохондриальным ДНК, сохраняется, а передаваемая исключительно по мужской линии ДНК Y-хромосом полностью или частично заменяется Y-хромосомной ДНК мигрантов⁸.

Примечательно, что традиционный мотив архаичного слоя северно-русских преданий, былин и лирических песен – это конфликт между первопоселенцем, предком-родоначальником и его антагонистами - женами и вообще женскими персонажами, происходящими из другого рода, чужой земли, потустороннего мира, откуда они похищаются или добываются силой и куда, при появлении избавителя, стремятся вернуться⁹.

Очевидно, что, вследствие разной социальной роли мужчин и женщин, не только молекулярно-генетические, но и культурно-исторические последствия этих двух типов миграций были различными. Прочитаем Н.М.Карамзина: "*Скандинавы приходили в Россию большей частью без семейств, и женились на Славянках, дети, воспитываемые матерями, должны были знать лучше язык их, нежели отцовский, которому надлежало совсем исчезнуть в третьем или четвертом колене*"¹⁰. Различия в этносоциальных последствиях двух типов метисации, естественно, не ограничивались языком.

Будущие исследования генетической структуры популяций современных поморов, возможно, смогут ответить на вопрос, по какому из сценариев шло формирование поморского субэтноса на побережьях Белого моря, где

первопоселенцы, так называемые племена ямочной и ямочно-гребенчатой керамики и характерных каменных стрел¹¹ (вторая четверть II тысячелетия до н.э.), были в третьей четверти II тысячелетия до н.э. замещены племенами турбинского ареала (возможно, финно-угорского происхождения). Последних, в период между 900-800 гг. до н.э. и рубежом н.э., в свою очередь, вытеснили или ассимилировали протосаами (культура асбестовой керамики)¹². Следы протосаами (лопи, лопарей) на Онежском полуострове – топонимы Лопшеньга (село на Летнем берегу), Лап-ручей в Тамице и Лопалахта (мыс между Пушлахтой и Летней Золотицей). Сосновый бор на берегу моря у Пурнемы до сих пор носит название Кендище (кеншаньте – на языке саами – место, где раньше находилась стоянка)¹³.

Значение и роль лопарей в истории Северной и Восточной Европы, за отсутствием письменных источников, недооцениваются современными историками. Анализ ДНК показал, что саами, в отличие от близких им по языку финнов-суоми и других финно-угорских этносов, имеют совершенно иное, не индоевропейское происхождение и, в историко-генеалогическом отношении, являются сестринской группой по отношению к индоевропейским народам. Финны-суоми и иные финно-угорские племена, в том числе поволжские, наоборот, по происхождению являются индоевропейцами¹⁴. Языковая общность современных лопарей и финнов – следствие огромного

¹¹ По свидетельству П.С. Ефименко, такая каменная "громовая стрела" была найдена в Лямце священником Дьячковым и доставлена последним в местный статистический комитет (Ефименко П.С. Заволоцкая чуждь. С. 136). Священник Дьячков, на которого здесь и далее ссылается П.С. Ефименко, это, судя по всему, Василий Григорьевич Дьячков, окончивший в 1853 г. Архангельскую духовную семинарию, в 1853-1859 гг. бывший священником Воскресенского собора в г. Кола, а с 12 января 1860 г. – священником Лямецкого прихода (Архангельские губернские ведомости. 1869. № 56).

¹² Куратов А.А., Овсянников О.В. Новейшие археологические исследования на территории Архангельской области // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1978. Вып. 6. С. 3-12.

¹³ Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вопросы языкознания. 1964. №2. С. 70-74; Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы языкознания. 1969. №5. С. 51-52; Минкин А.А. Топонимы Мурман. М., 1976.

¹⁴ Sajantila A., Lahermo P., Anttinen T. et al. Genes and languages in Europe: an analysis of mitochondrial lineages // Genome Research. 1995. Vol. 5. P. 42-52; Haeseler A. von et al. The genetical archeology of the human genome. P. 135-140.

⁷ Криничная Н.А. Предания Русского Севера. С. 74.

⁸ Haeseler A. von, Sajantila A., Paabo S. The genetical archeology of the human genome // Nature Genetics. 1996. Vol. 14. P. 135-140.

⁹ Криничная Н.А. Предания Русского Севера. С. 246.

¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 213.

культурного влияния, которое оказали в претористорическое время прото-саами на протофиннов, потомки которых занимают сейчас такой огромный ареал в Северной и Восточной Европе. Перед нами грандиозный историко-культурный феномен, сопоставимый с распространением романских языков в Западной Европе и Америке, русского в Евразии, арабского в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Данные микротопонимики показывают, что племена, занявшие место лопарей на берегах Белого моря, были близки по языку финнам-суоми, людикам, ливвикам и северным карелам. Они непосредственно предшествовали появлению в Поморье славян¹⁵.

Как связано изменение регистрируемых археологами культурных пластов с изменениями генетической структуры местного населения, насколько массовыми были брачные связи между представителями все новых и новых волн переселенцев, появившихся на берегах Белого моря, и предшествующим "субстратным" населением, приведшие в конце концов к формированию в XVI в. особого северо-русского поморского субэтноса¹⁶, науке пока не известно, однако вполне может быть выяснено методами молекулярной генеалогии путем исследования митохондриальных ДНК и гаплотипов Y-хромосом древних родов современных поморов.

Время основания современных селений Онежского берега по данным письменных источников

Когда появились поморские селения на Онежском берегу? Почему-то принято считать, что до того пустынный Онежский берег начал заселяться новгородцами лишь в XVII в.¹⁷ Это заблуждение. Первое известное нам упоминание Летней Золотицы связано с событиями, датируемыми первым десятилетием XV в., когда жена новгородского посадника Филиппа Григорьевича Марфа, часто ошибочно отождествляемая с более известной, но жившей значительно позже, посадницей Марфой Борецкой¹⁸, приказала сжечь Золо-

¹⁵ Матвеев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимики Русского Севера // Вопросы языкознания. 1969. №5. С. 51-52.

¹⁶ Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 69-72.

¹⁷ Бернштам Т.А. Поморы... С. 38, 44-45; Гемп К. Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983. С. 32.

¹⁸ Янин В.Л. Новгородские грамоты XII-XV вв. М., 1991. С. 298.

тицкую волость, заподозрив золотичан в умышленном убийстве на море ее сыновей - праведных Антония и Феликса Корельских, погребенных затем на Летнем берегу в Николо-Корельском монастыре¹⁹.

В копиях книг Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей²⁰ сохранилось много частных актов, касающихся селений Онежского берега и относящихся к первой половине XVI в. Наиболее ранние из них - закладная "кабала" и дарственная запись ("данная") на угодья на Онежском берегу, между Пушлахтой и Золотицей "от Спасеньевской тони к Орлову²¹ идучи", до которых "нет дела <...> ни моему брату, ни роду, ни племени <...>, а

¹⁹ Историко-статистическое описание Николаевского Корельского третьеклассного монастыря // Архангельские губернские ведомости. 1852. №9. С. 65; Юрин А.Б. История Николаевского Корельского монастыря от основания до 1683 года // <http://www.samara.orthodoxy.ru/Hristian/Udin.html>; Евфимия (Пашенко). Новый Архангельский патерик. <http://diocese.pomorsu/a22.html>.

²⁰ Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397-1625). СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С.100-243; Акты Холмогорской и Устюжской епархий // Русская историческая библиотека (РИБ). 1894. Т.14. С.250-302; Садиков П.А. Очерки по истории опричинны. М.; Л., 1950. С.419-422, 424-425, 431, 444-455; Акты социально-экономической истории севера России конца XV-XVII в. Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. / Сост. И.З.Либерзон. Л., 1988; Акты социально-экономической истории севера России конца XV-XVII в. Акты Соловецкого монастыря 1572-1584 гг. / Сост. И.З.Либерзон. Л., 1990; Описание документов XIV-XVII вв. в копиях книг Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки / Сост. Г.П. Енин. СПб., 1994.

²¹ Имеется в виду Орлов наволоок около Пушлахты. Название этого мыса, возможно, связано с именем старосты Турчасовского стана Терентия Тимофеева сына Орла, в 1546 г. продавшего свои и отца своего Тимофея Мартемьянова сына Махнова места для семужьей ловли (тони) "в Дураковом становище" к востоку от Золотицы (Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С. 73; Описание документов XIV-XVII вв. в копиях книг Кирилло-Белозерского монастыря ... С. 205-206). В свою очередь, вполне вероятно, что название упомянутого Дуракова становища (в XX в. для благозвучия переименованного в село Летний наволоок) происходит от "дедчества" крупнейших землевладельцев и промышленников Онежского берега первой половины XVI века Бориса (упоминается в 1548-1568), Андрея Нечая (упоминается до 1572) и Семена Строя Ивановых детей Дуракова из Лямцы (упоминается в 1548 - 1567), владевших там семужьими ловлями (Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С.86, 102, 122 и др.; Акты Соловецкого монастыря 1572-1584 гг. С.15, 79).

²² Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С. 28.

отдал не в отнимку", относится к 1515 г.²². Ермола Иванов сын, золотичанин, "дал тоню на Соловки в дом святому Спасу, чем сам владел" в 1519 г.²³, причем, судя по купчим, датированным 1519 г., в Золотице в это время уже развита социальная инфраструктура – есть Никольская церковь и "муниципальная власть": среди послухов видим Петра Клементьева сына, старосту золотицкого²⁴. Бывший опричник Генрих Штаден, представляя Его Римско-Кесарскому Величеству королю Рудольфу II свой план захвата Московии, упоминает Золотицу в числе важнейших посадов Поморья середины XVI в.²⁵ Лямца впервые упомянута в акте 1528 г.²⁶, Пурнема в 1544 г.²⁷, Нижмозеро упоминается в лоции новгородца Марка Ивановича, относящейся, по палеографическим данным, к началу XVI века²⁸.

Уже в середине XVI в. села Онежского берега – это большие многодворные поселения. Описывавшие в 1556 г. Турчасовский уезд Яков Сабуров и Иван Кутузов насчитывали в волостках Тамиде, Кянде, Нижмозере, Пурнеме, Лямце, Золотице 162 двора. Кроме того, не менее 9 дворов было в Пушлахте, описание которой сохранилось не полностью²⁹. Анализ упоминаемых в актах XVI в. микротопонимов показывают, что уже в XVI веке в хозяйственный обиход поморов Онежского берега были вовлечены уголья, расположенные на расстоянии двадцати-тридцати километров от центров волосток. Это прямо свидетельствует, о том, что упоминаемые в актах и переписях середины XVI в. владельцы участков "куда ходил плуг, и коса, и соха, и серп, и топор, и с новыми причистями, и со старыми роспашами"³⁰ – далеко не первое поколение земледельческого населения Онежского берега. Поморские села Онежского берега (кроме Покровского) возникли никак не позднее второй половины XV века.

²³ Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С. 33.

²⁴ Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С. 34.

²⁵ Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 20. Комментарий этого издания записок Штадена С.Ю. Шокарев ошибочно отождествляет Летнюю Золотицу и Николо-Корельский монастырь, о которых говорит Штаден, с селом на Зимнем берегу Белого моря Зимней Золотицей и церковью Николая Чудотворца в ней (там же, с. 133).

²⁶ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. С. 281.

²⁷ Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С. 69.

²⁸ Елизаровский И.А. Язык беломорских актов XVI-XVII вв. Грамматика. Архангельск, 1958. С. 8.

²⁹ Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова. 1556 г. // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С. 95-135.

³⁰ Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С. 122.

Легенды о времени основания отдельных сел Онежского берега

Местные сказания об основании сел примечательно разнообразны и касаются, насколько можно судить, событий середины XV-XVI вв. – времени социального и экономического расцвета региона. Так, записанное в середине XIX в. кяндским волостным писарем Петром Евсеевым предание относит основание сел Онежского берега "ко времени Ивана Грозного, когда беглецы из Новгородской земли заняли взморье"; но, добавляет Евсеев, "есть и другое предание, что местные жители носили подати по алтыну с души в пестерях в Новгород"³¹.

Онежский полуостров – территория, где в XV в. соприкасались экономические и политические интересы Новгорода и Москвы. Граница между Двинскими (московскими) и Новгородскими землями в XV в. (так называемые "Онежский рубеж" и, соответственно, "Двинской рубеж") проходила у Банева наволока около Усть-Яреньги на Летнем берегу Онежского полуострова. "Московский след" видим в Лямце, жители которой традиционно называют Лямцу "уголком Москвы"³², что, может быть, связано не со смутной памятью о происхождении первопоселенцев, а с промосковской и проновгородской ориентацией поморских посадов в период запечатлевшейся в памяти на века междоусобицы. Отметим, что в непосредственной близости от Двинского рубежа у Усть-Яреньги в середине XVI в. были³³ и до первой трети XX в. сохранялись³⁴ традиционные места ловли семги (тони), принадлежавшие жителям Лямцы и Пурнемы.

В.А. Смирнов, составивший в конце XIX в. описание приходов и церквей Онежского уезда, говоря о Пушлахте, сообщает, что "по устному преданию первопоселенцами здесь были два выходца из Новгорода – Каменский и Агафонов, которых привело сюда, вероятно, обилие рыбы, особенно сельдей <...>. Фамилия же Шапкиных, которую носят в настоящее время несколько прихожан, уже позднейшего времени и, как говорят, пришла из

³¹ Архангельские губернские ведомости. 1882. № 21. Подразумевается, что упоминание в предании Новгорода, как места, куда носили подати, означает, что подати носили до присоединения Новгородских земель к Москве. Упомянутый здесь пестерь – род заплечной сумки, сплетенный из бересты короб с берестяными же или кожаными лямками, как у рюкзака.

³² Из материалов, собранных автором в 1970 и 1979 гг.

³³ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. С. 315; Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С. 157; "Онеские" тони на Летнем берегу упоминаются и в выкупной XV в. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949, №139).

³⁴ Сообщено нам председателем пурнемского колхоза Л.Ф. Родионовой в 1979 г.

Лотшёнзского прихода³⁵. Легенда эта вполне традиционна для Севера³⁶, оценить истинность новгородского происхождения основателей упомянутых в ней фамилий невозможно. Укажем только, что фамилия Каменский, несомненно, местного пушляходского³⁷ происхождения и происходит от местности на морском побережье между Пушляхтой и Лямцей, называемой Каменка или Камень, где, по описи Никиты Григорьевича Яхонтова (1561 г.), видим "Никитинскую слободку Сидорова на Каменки, в ней казачьих дворов 9"³⁸. Василий Олферьев сын Каменский продал двор свой в Золотице "с полугородом" в 1543 г.³⁹ Гаврила, Левонтий, Фалалей и Левонтий Меньшик Никитины дети "с Каменки" zaloжили свои участки на Яренском озере в 1553 г.⁴⁰ В июле и октябре 1575 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил у Мины Петрова сына Каменчанина и Тимофея Михайлова сына Катара Каменчанина "на Каменке двор и сенные покосы и рыбные ловли со всеми угодьями"⁴¹.

Т.А. Бернштам⁴² сообщает, что пушляходы считают себя по происхождению ... шведами. На первый взгляд, эта легенда кажется не заслуживающей внимания. Однако известно, что, с одной стороны, "шведами" карелы называли финнов, а с другой, так карелы-старообрядцы именовали "мирских" карел⁴³. Напомним также о таинственных исторических обстоятельствах, касающихся Онежского берега и оставивших свой след на архаичной карте Московии Антония Дженкинсона (1562 г.). Карта Дженкинсона, как

³⁵ Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. III. Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Архангельск, 1896. С.39.

³⁶ Бернштам Т.А. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С.232-238.

³⁷ Пушляход, пушляходка, пушляходы – так называют на Онежском берегу жителей Пушляхты.

³⁸ Сотная на волости Каргопольского уезда из книг письма Н.Г. Яхонтова // Северный археографический сборник. 1978. Вып.2. С.300-475; Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 г. С.48, 157; Описание документов XIV-XVII вв. в копиях в книгах Кирилло-Белозерского монастыря. С.206, 220-221.

³⁹ Описание документов XIV-XVII вв. в копиях в книгах Кирилло-Белозерского монастыря. С.202.

⁴⁰ Там же. С.206.

⁴¹ Никольский И. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство... С. LXI.

⁴² Бернштам Т.А. Поморы... С.58.

⁴³ Разумова И.А., Дубровская Е.Ю. Межэтнические контакты на европейском Севере // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С.201-208.

полагает Б.А. Рыбаков, восходит к старому московскому чертежу 1497 г. и к какому-то утраченному древнему новгородскому чертежу. На этой карте река Онега изображена широкой магистралью, соединяющей Балтийское море и Ладогу через Белое озеро и озеро Лаче (откуда Онега в действительности берет свое начало) с Онежским заливом. На этой карте Пушляхты нет, но на Онежском берегу, на месте Пурнемы и Нижмозера, изображен городок Ухна (в действительности не существовавший; название, несомненно, от названия р. Ухта, впадающей здесь в Ухотскую губу), а весь Онежский берег отнесен к территории Швеции⁴⁴.

Жители Пурнемы и по сей день, возможно, под влиянием школьных учебников, полагают себя потомками новгородцев, однако, по зафиксированному "мнению приходских священников" середины XIX в., могут являться "поселением карелов, совсем обрусевших"⁴⁵.

Наконец, о происхождении жителей Нижмозера. Пурнемские "обрусевшие карелы" и в конце XX в. "бранили" их кайванами. Вспомним историческое название *Каянская земля*, под которой в XIV-XVI вв. понимали Северную Финляндию, где до сих пор находится город *Каяни* и где в конце I - начале II тысячелетий н. э. жило таинственное племя *квен*ов, затем исчезнувшее со страниц письменных источников⁴⁶. По данным этнографов, этнонимы *кайваны* и *чудь* в летописные времена и позже использовались русскими как названия вепсов⁴⁷. С другой стороны, как отмечает В.В. Пименов, современные вепсы (кайваны) - единственный народ, отождествляющий себя с чудью, говорящий о чуди, как о своих собственных предках⁴⁸. В контексте рассматриваемой темы существенно, что русские отличали кайванов от

⁴⁴ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV-начала XVI века. М., 1974. С. 21-44. Возможно, отраженные на карте территориальные претензии Швеции на часть побережья Белого моря относятся к периоду 1490-1496 гг., когда шведский флот вошел в Белое море и стоял, по-видимому, в Княжьей губе (см.: Ушаков И. Морское сражение на Севере в 1496 году // Наш современник. 2001. №8. С.192-195).

⁴⁵ Списки населенных мест Российской империи. 1. Архангельская губерния. СПб., 1861. С.118.

⁴⁶ Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С.133.

⁴⁷ Никольский Д.П. Кайваны или чухари // Живая старина. 1895. Т.5, вып.1. С.14-16; Вепсы (бепсы, вепсы, вепсь, кайваны, тягалажет, чудь, чухари) // Классификатор этнических общностей. Российский этнографический музей. www.ethnomuseum.ru.

⁴⁸ Пименов В.В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. С.155.

карел и финнов, а карелы отличали их от себя - В.И. Даль приводит поговорку: "кайваны в Олонец не бывали"⁴⁹.

Вернемся к нижмозерским "кайванам" Онежского берега. П.С. Ефименко, цитируя рукописные заметки уже упоминавшегося нами приходского священника-краеведа Дьячкова (середина XIX в.), пишет: "Сначала, говорит народное предание, в Нижмозере жила чуждь. Старожилы и сейчас называют места, которые она занимала <...>. Впоследствии стали приходить из Новгорода и из Корелы поселенцы и селились тут же. Таким образом, нынешние нижмозеряне (в XX в. говорили "нижмозёра" – А.Р.) производят себя от трех племен: чуди, новгородцев и кореляков"⁵⁰.

Этническое происхождение поморов Онежского берега по данным письменных источников.

Существуют документальные свидетельства присутствия среди населения Онежского берега XIV-XVII вв. лиц, которые идентифицировали себя или идентифицировались современниками как карелы. Так, по свидетельству Досифея, автора-составителя "Жития преподобного Савватия, Соловецкого чудотворца" (ок. 1503 г.), "населницы, прямо <Соловецкого> острова близ моря жительствующие, <...> глагоша в себе: мы ближайшии тому острову, <...> природные суще земли Корельския"⁵¹. В описи документов Золотицкого усолья (к которому относилась и Пушлахта) из архива Соловецкого монастыря (опись 1676 г.) значились "одинадцать крепостей старых <...> – дачи корельских владельцев"⁵². Фетка Васильев Корела и Труфанко Корела⁵³ Есипов сын зафиксированы переписчиками 1556 г., соответственно, в волостках Усть-Онеге и Лямце⁵⁴, Ивашко, Гришка, Федка, Афонька да

Максимко кореляне "сошли от хлебные скудости" из Нижмозерской волости после литовского разорения в Смутное время⁵⁵.

Сохранение карельского или чудского языкового – а, следовательно, и генетического пласта, слышится в патронимах владельцев дворов в Лямце Федота Окулова сына Ускалова⁵⁶ (умер до 1548/49), Софрона, Андрея, Константина, Никиты и Луки-Поздея, детей Федора и Василия Херпиных (1547-1589 гг.)⁵⁷. Тит и Игнатий Яковлевы дети Пачуевы (1549/50-1555 гг.), Василий и Никита Никифоровы дети Кузнецовы-Мичюевы (1550), кузнец Никита Иванов сын и Иван Федоров сын Лумбуевы продавали пожни в Пушлахте и Золотице (1551-1572 гг.)⁵⁹.

XVI век – период формирования особого русско-поморского субэтноса⁶⁰, совпадающий по времени с появлением среди "туземного" населения Поморья (оставим пока открытым вопрос о его этнической принадлежности) новых землевладельцев и казаков (как называли наемных "рабочих людей" частных и монастырских варниц). Анализ актов, касающихся купли и продаж земель в XVI в., позволяет выявить среди землевладельцев Онежского берега такого рода недавних переселенцев. Так, среди полусотни лиц, продававших и покупавших земли и солеварни в Лямце в XVI в., упоминаются три новгородца⁶¹ – Михай (ранее 1550 г.), Семен Исаков сын (1550-59 гг.), Иван Кушник Михалев сын (1558-1561 гг.); два каргопольца – крупный земле-

⁵⁵ Савич А.А. Соловецкая вотчина XV-XVII вв. Пермь, 1927. С.194.

⁵⁶ Вероятно, фамилия ("дедчество") Ускалов происходит от слова "usko" – ладья, близкого новгородскому *ушкуй*. См. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX-начале XX в. Л., 1983. С.219-220.

⁵⁷ Здесь и далее даты в скобках относятся к датам актов, в которых упоминается данное лицо.

⁵⁸ Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С. 91, 122, 206; Акты Холмогорской и Устюжской епархий. С. 283, 286-289; 293, 295.

⁵⁹ Акты холмогорской и устюжской епархий... С. 279, 283, 284, 286-289, 292-295; Описание документов XIV-XVII вв... С. 234, 224, 232, 218, 235, 241; Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь... С. LV.

⁶⁰ Бернштам Т.А. Поморья... С. 69-72.

⁶¹ Акты холмогорской и устюжской епархий... С. 299; Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С. 34; Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь... С. XLIX; LV.

⁴⁹ Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М., 2000.

⁵⁰ Ефименко П.С. Заволоцкая чуждь... С.98.

⁵¹ Житие преподобного отца нашего Савватия, начальника Соловецкого острова, нового чудотворца. Б.м., б.г. С.7.

⁵² Белокуров С.А. Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 года). М., 1887. С.36.

⁵³ Бытование прозвища "Корела" в этих случаях примечательно не только тем, что показывает на вероятное происхождение или фенотипическое сходство этих лиц с карелами, но и говорит о том, что карелы в этих селениях в это время составляли этническое меньшинство.

⁵⁴ Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова (1556 г.) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981. С.95-135.

владелец и соловар посадский человек Гаврила Семенов сын Мохнаткин⁶² (1559-66 гг.) и Павел Зиновьев сын⁶³ (1568-1573 гг.). Здесь же видим выходцев с Поморского берега Семена Кондратьева сына, ворзоторца (1550) и Василия Клементьева сына, нюхчанина⁶⁴ (1566-68 гг.). В Пушлахте и Золотице владеют землями⁶⁵ Мартемьян Захарьин сын *"от Петра Святаго с Устья <Онеги (?)>"* (не позже 1519/20 г.), Василий Олферьев сын *"с Онеги ис Корельского"* (до 1519/20 г.), каргополец Иван Иванов сын Мохнаткин (ранее 1531 г.), Иванко Матфеев рыболов каргополец (1561), пинежанин Петр Григорьев (1540-1556 гг.), Василий и Григорий Агафоновы дети из Толвуя⁶⁶ (1540/1541), Потап Семенов с братьями из Мехреньги (1571), Юшко Васильев *"с Онеги"* (1556). Особо отметим Дмитрия Петрова сына *Немчина*, продавшего в мае 1549 г. свои пожни на реке Золотице и Золотицком озере⁶⁷. Об

⁶² Род Гаврилы Мохнаткина записан в синодике Соловецкого монастыря (см.: Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 327). Именно Гавриле Мохнаткину и золотичанину Никите Павлову сыну, в иночестве Нифонту, был обязан Кирилло-Белозерский монастырь крупнейшими в XVI веке вкладами. Так, в 1569 г. Никита Павлов дал вклад в 200 руб., а Гаврило Мохнаткин кабалу в 240 руб., другую в 72 руб. и 100 руб. денег, итого вклад золотичского солоvara составил 412 рублей! Чтобы оценить его размер, напомним, что в том же году Яков, Григорий и Семен Строгановы дали в монастырь вклад в 300 руб., князь Иван Борисович Ромодановский рухляди на 100 руб, двумя годами ранее княгиня Елена Прозоровская - вклад 50 руб., князь Иван Бельский и Никита Романович Юрьев - 100 руб., двумя годами позже Григорий Малюта Лукьянович Скуратов - вклад 100 руб. (Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь... С. 184, 243).

⁶³ В 1572 году он дал вклад в Кирилло-Белозерский монастырь "угодьи свое на море в Лямце" стоимостью 100 руб. (там же, с. LV).

⁶⁴ Село Нюхча на Поморском берегу.

⁶⁵ Акты холмогорской и устюжской епархий. Часть II. С. 279; Никольский Н.К. Кирилло-Белозерский монастырь... С. LIII; Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972. С. 476; Описание документов XIV-XVII вв. в копиях в книгах Кирилло-Белозерского монастыря... С. 204, 205, 216.

⁶⁶ Возможно, из того Толвуя, что на Онежском озере, известного как место рождения святого преподобного Зосимы, чудотворца Соловецкого.

⁶⁷ Описание документов XIV-XVII вв. в копиях в книгах Кирилло-Белозерского монастыря... С.235.

этническом происхождении названного Немчина о можно только догадываться (может быть, "свейский" или "каянский" немец"⁶⁸ ?).

Говоря о происхождении землевладельцев и промышленников, подвизавшихся на Онежском берегу в XVI веке, особо следует упомянуть влиятельную семью Кончаковых из Клещева Поля на реке Онеге. Емельян Кондратьев сын Кончаков с братьями (1532-1548 гг.) и Парфен Семенов сын Кончаков (1552-1559 гг.) владели землей *"в Орлове-наволоке да в Пушлахте в губе"*⁶⁹ и промышляли семужной ловлей на Онежском берегу у Кончакова наволока⁷⁰, до сих пор сохранившего их родовое имя. Клещепонец Парфен Семенов сын Кончаков был турчасовским старостой (1552)⁷¹. Сына его, также бывшего старостой (турчасовским ?), Василия Парфеева сына Кончакова (1561-1582)⁷² с братом Тимофеем за какое-то их "воровство" *"лета 7087 (1579) мая в 23 день по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси наказу и по судному подписаному списку за приписью государева дьяка Семена Собака Васильева <...> Аргун Иванов сын Захарьин <...> перед старостами, и перед целовалники, и перед крестьяны разных волостей, перед сторонними людьми, выслав з женами, и з детми, и со всеми их животы, и с хлебом и двор <их> очистил в Кюшинской"*⁷³

⁶⁸ Из послания архиепископа Макария Великому Князю Ивану Васильевичу (1534 г.): "...до рубежа свейских немец, и во всей Корельской земли и до Коневых вод и за Нево езеро великое, и до каянских немец рубежа <...>, до Лопи до дикие и около великого озера Нева <...> в местах тех прельшаеми человецы от невидимаго врага диявола суще христиан, а обычая держажуся от древних прародителей" - Дополнения к актам историческим. Т. 1. С. 33-34.

⁶⁹ Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С. 43, 47, 50, 90, 140, 157; Акты Соловецкого монастыря 1572-1584 гг. С.114, 174, 180; Описание документов XIV-XVII вв. в копиях в книгах Кирилло-Белозерского монастыря... С.237.

⁷⁰ Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С.157.

⁷¹ Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С.110, 157. Имя жены Василия Парфеева Маланья находим в сотных на Клещеве Поле 1561-1562 г. (Северный археографический сборник. Вып. 2. С. 442); Упоминаемое здесь Турчасово - село в среднем течении реки Онеги, центр Турчасовского стана Каргопольского уезда в XVI в.

⁷² Северный археографический сборник. Вып. 2. С.441-442; Акты Соловецкого монастыря 1572-1584 гг. С. 16, 131, 180; Акты холмогорской и устюжской епархий. Ч.2. С.277.

⁷³ В сотной с книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова (1561-1562 гг.) деревня названа Тюшинской (Северный археографический сборник. Вып.2. С.442.)

деревни <Клещепольской волости>⁷⁴. Сына вышеупомянутого Емельяна Кончакова клещепольца Павла Емельянова сына Кончакова видим в 1582 г. среди "людей добрых" в Пияле на Онеге⁷⁵. Некто Михаил Кончаков Меншой до 1578 г. владел "подворной землей, пол-огорода и хоротами" в Керети на Терском берегу⁷⁶ (не сын ли он одного из старших Кончаковых - Михалка Кондратова⁷⁷, владевшего в 1559 г. "с товарыщи <...> семойными ловлями на морском берегу" на Пешанке и Каменке у Пушлахты?).

Записанные фольклористами на Онежском и Летнем берегах драматические сюжеты, достойные исландских саг, об умыкании легендарным беломорским пиратом, великаном и силачом Кончаком поморских жен⁷⁸ позволяют предполагать, что гены клещепольцев XVI в. еще могут сохраняться в популяции современных поморов Онежского полуострова⁷⁹.

Трудно сказать, были ли среди переселенцев, прибывших в XVI веке на Онежский берег, женщины. Если и были, то это не нашло отражения в известных нам документах. Лишь в датируемой 1577 г. духовной грамоте турчасовского делового человека Авдотьи Ивановой дочери Голубы⁸⁰ упоминается о "...внуке моей Окулины на Пу[р]неме⁸¹", однако возможно, речь здесь идет о какой-то Пунеме, не имеющей отношения к поморским посадам Онежского берега, а расположенной где-то в окрестностях Турчасова.

⁷⁴ Акты Соловецкого монастыря 1572-1584 гг. С. 131.

⁷⁵ Там же. С. 174.

⁷⁶ Там же. С. 114.

⁷⁷ Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. С. 157.

⁷⁸ Криничная Н.А. Предания Русского Севера. С. 136-139, 246-247.

⁷⁹ Носители фамилии Кончаков жили на Онеге и в XX веке – уроженец г. Онеги лейтенант Василий Иванович Кончаков пропал без вести в сентябре 1941 г. См.: www.soldat.ru.

⁸⁰ Акты Соловецкого монастыря 1572-1584 гг. С. 102.

⁸¹ Вариант чтения, предлагаемый публикатором "Актов Соловецкого монастыря".

Источники для построения родословных схем поморов Онежского берега и их характеристика.

Занимаясь генеалогией поморов Онежского берега и исследуя, в частности, степень участия мигрантов в формирование генофонда современных поморов Онежского берега в XVIII-XX вв. мы составили родословные росписи, включающие данные об брачных связях около 4.5 тысяч поморов Пурнемы и лиц, вступивших с ними в брачные отношения на протяжении последних трехсот лет. Родословные позволяют идентифицировать среди современного населения лиц, предки которых по мужской и женским линиям жили в Пурнеме по крайней мере 250-300 лет назад, а также определить, кто из современных поморов Пурнемы несет гены населения иных мест Беломорья. Использование этих росписей в молекулярно-генетических исследованиях, на наш взгляд, может решить многие проблемы этногенеза поморов, в частности, поморов Онежского берега.

Для построения генеалогических схем мы использовали данные метрических книг Пурнемы (1780-1850 гг.)⁸² и Лямцы (1835-1853 гг.)⁸³, подлинники метрических книг Пурнемы (1790-1791, 1859, 1860, 1862 гг.), Нижмозера (1792, 1859, 1860, 1862 гг.), Лямцы (1790-1791, 1859, 1860, 1862 гг.)⁸⁴, материалы ревизских сказок VI (1811 г.), VII (1815 г.), VIII (1834 г.), IX (1850 г.) и X (1858 г.) ревизий⁸⁵, данные духовных росписей (исповедальных ведомостей) 1792, 1799, 1804, 1809, 1825, 1844, 1877, 1887, 1904, 1914 гг.⁸⁶, переписные листы Первой

⁸² Метрическая книга Пурнемского прихода церкви Рождества Христова с 1780 по 1833 г. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф.29. Оп.22. Д.11; Метрическая книга церкви Рождества Христова Пурнемского прихода с 1835 по 1850 г. ГААО. Ф.29. Оп.22. Д.12.

⁸³ Метрическая книга Лямецкого прихода 1835-1853 гг. ГААО. Ф.29. Оп.31. Д.8.

⁸⁴ Подлинники метрических книг Архангельской губернии. ГААО. Ф.29. Оп.22. Дд.26, 30 (содержат данные по Пурнеме за 1788, 1790-1791; Нижмозеру – за 1792; Лямце – за 1790-1791 гг.); Д. 38 (1859 г.); Д. 39 (1860 г.); Д. 41 (1862 г.).

⁸⁵ ГААО. Ф. 51. Оп. 11, Т. 2. Д. 3259; Ф. 61. Оп. 11. Т. 4. Д. 8433 (экономические крестьяне); Д.8434 (черносошные крестьяне); Ф.51. Оп.11. Т.8. Д.12863, Ф.51. Оп.12. Т.46. Онежский уезд (удельные крестьяне); Ф.51. Оп.11. Т.8. Д.12905 (Пурнема); Ф.51. Оп.11. Т.23. Д.298; Ф.51. Оп.11. Т.23. Д. 426 (Пурнема, Лямца).

⁸⁶ Духовные росписи приходов Архангельской губернии. ГААО. Ф.29. Дд. 7, 60, 97, 126, 133, 213, 230, 351, 490, 545, 620, 673.

всероссийской переписи населения 1897 г.⁸⁷, списки колхозников колхоза "Беломор" (позднее – "40 лет Октября")⁸⁸, некоторые другие источники⁸⁹.

Каждый из этих источников имеет свои достоинства и ограничения. В метрических книгах содержатся сведения о датах рождения и крещения младенца, имена родителей новорожденного, причем до 1832 г. указывалось только имя и отчество (реже имя и фамилия) отца младенца, имя матери указывалась только в случае рождения внебрачного ребенка у незамужней девицы. Вот пример записи, датированной 1780 годом: *"Родившийся месяца сентября 27 Федора Денисова сын Нестор, воспитанником был брат его родной⁹⁰ Павел Денисов, православный, <крещен> в церкви священником Иваном Пасторовым, при крещении были дьяк Иван Пасторов, пономарь Иван Ануфриев, крещен октября 2"; "октября 10 <1833 года> Василия Ларионова дочери девицы Акилины незаконорожденный сын Андроник, крещен в доме октября 10 по нужде"⁹¹.*

⁸⁷ Ведомости для подсчета населения и переписные листы I всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. ГААО. Ф. 6. Оп. 18, Пурнема.

⁸⁸ Книга учета членов колхоза и их семей за 1949 год, Нижмозеро. Архив колхоза "40 лет Октября"; Книга учета членов колхоза "40 лет Октября" и их семей на 1982 год. Архив колхоза "40 лет Октября"; Похозяйственная книга №1 Пурнемского сельсовета 1986-1990; Похозяйственная книга №2 Пурнемского сельсовета 1991-1996; Домовая книга для проживающих граждан д. Пурнема, д. Лямца, начата 12 декабря 1991 г.

⁸⁹ Карты, атласы, планы. План деревни Пурнемской Архангельской губернии Онежского уезда Нижмозерской волости Пурнемского сельского общества снятия 1853 года. ГААО. Ф. 243. Дело о распланировании в Архангельской губернии казенных селений. Л. 93; План деревни Пурнема с указанием домовладельцев по состоянию на 1929-1932 гг. Л. 1 - Низ, Л. 2 - Верховье - составлен В.А. Родионовым в 1982 г. (собрание автора); Архангельские епархиальные ведомости 1885 - 1897; 1914 - 1918; Журнал регистрации заявлений о вступлении в брак (1995-1997, Пурнема, Лямца); Книга по учету прихода и расхода бланков свидетельств о смерти администрации с. Пурнема. 1998-2000 гг.; Книга по учету прихода и расхода бланков свидетельств о рождении администрации с. Пурнема, 1997-2000 г.; Родионов А.В. Пурнемский некрополь (рукопись, собрание автора). 1990; Стагнач О.Г. Моя родословная. 1992. (Альбом-рукопись - собрание О.Г. Стагнач); Книга Памяти Архангельской области. Архангельск, 1995; Книга Памяти Архангельской области. www.soldat.ru.

⁹⁰ То есть, брат отца новорожденного.

⁹¹ ГААО. Ф.29. Оп.22. Д.11.

Типичная запись о браке выглядит так (1827 год): *"ноябрь 11, бывшего⁹² крестьянина Нестора Федорова сын его Феодор Несторов венчан той же волости бывшего крестьянина Клементия Ульянова дочью Ириной Клементьевой, оба первым браком, жениху от роду 21 год⁹³, невесте 22 года⁹⁴. До венчания намерение священнику от жениха было объявлено за неделю и надлежащий при венчании обыск под которым при женихе поручителями подписались тысячкой Василий Ларионов, Егор Житников, Семен Родионов; по невесте брат ей родной Семен Клементьев, Афанасий Сидоров".*

Записи о смерти с 1785 г. в исключительных случаях, а с 1810 г. обязательно сопровождаются указанием на ее причину, например: *"Федора Денисова сын Нестор 28 лет⁹⁵, <причина смерти:> протяжной болезнью; исповедован того ж октября <дата пропущена>, погребен при церкви".* За период с 1780 по 1850 г. в метрических книгах Пурнемы записаны сведения о смерти 694 лиц, в 469 случаях указана причина смерти⁹⁶.

Приведенные примеры, как кажется, хорошо иллюстрируют разнообразие информации, содержащихся в метрических книгах сельских церквей конца XVIII - первой половины XIX вв. и, в то же время, показывают сложности работы с метрическими книгами, как источником генеалогических данных. Прежде всего, работая с ними, постоянно приходится решать проблему идентификации личностей – по нашим наблюдениям, до 1828-32 гг. привычный

⁹² То есть, умершего к моменту совершения таинства.

⁹³ В действительности, жениху 18 лет – родился 17 марта 1809 г.

⁹⁴ В действительности, невесте 20 лет – дата рождения – 5 мая 1807 г.

⁹⁵ Запись помещена в Метрической книге в тетради за 1813 г., но, несомненно, относится к 1808 г. Подтверждение тому, что означенный Нестор умер действительно в 1808 г., а не в 1813, как записано в метрической книге, содержится и в Ревизской сказке 1811 г.

⁹⁶ Согласно "диагнозу" сельского церковного причта, в 1785-1850 гг. в Пурнеме "в горячке" умерли 211 человек (45% от числа диагностированных случаев), "в чахотке" – 64 (14%), "от <детского> паралича" – 42 (9%), "от родимца" (возможно, то же, что паралич) – 32 (7%), "протяжной болезнью" – 31 (7%), "от оспы" – 27 (6%), "утонуло в море" – 13 (2,8%), "в лихорадке" и "старостью" – по 12 (2,5%), "скоропостижно померли" – 11 (2,3%), троих детей завалило в овраге земель, три человека убиты, трое умерло "от скорихи" (скарлатина?). Отмечены также единичные случаи смерти "в падучей болезни", "от холеры", "тяжелой болезнью", а также смерть "на рыбном промысле", один "зазяб на дороге в ночную пору", еще один "в жару умре", один, охарактеризованный священником как "изумленный", "отлучился в лесу".

сейчас трехчленный номен фамилия-имя-отчество при записях в метрическую книгу не использовался. До этого времени все участники таинств записаны в книге с использованием бинарной номенклатуры – указано имя *его* и его патроним, в качестве которого может быть использовано либо отчество, либо фамилия, либо фамильное прозвище, обычно называемое в современной этнографической литературе "уличной фамилией". В приведенных примерах *Федор Денисов* – это Федор Денисович Родионов; *Семен Родионов* – Семен Павлович Родионов, племянник Федора Денисовича; *Василий Ларионов* – Василий Матвеевич Ларионов, *Егор Житников* – это Егор Никитич Крюков из дома Крюковых-Житниковых, *Афанасий Сидоров* – Афанасий Емельянович Сидоров и так далее. В этих и подобных случаях идентифицировать всех перечисленных лиц, определить их род и взаимное родство можно только путем сравнительного анализа записей метрических книг и близких по времени ревизских сказок.

Во второй трети XIX в. вошло в обычай регистрировать в метрических книгах лиц, участвующих в таинствах с использованием привычных нам "тройственных" номенов. Однако это не обязательно имя-отчество-фамилия. Так в записи от 25 сентября 1833 г. "*крестьянина Алексея Стахиева Кулюкина сын Николай Алексеев венчан того же прихода крестьянина Василия Петрова Тюрина с дочерью его Федосьей Васильевой оба первым браком, жениху от роду 21 год⁹⁷, невесте 26 годов⁹⁸; поручители по жениху его отец родной Алексей Стахиев Кулюкин, тысячкой Иван Клементьев Горин, Родион Кузьмин, поручители по невесте - отец родной Василий Петров Тюрин, Яков Андреев Остафьев, сватья Марфа Алексеева Родионовых*". "Настоящие" фамилии поручителей, то есть фамилии, с которыми они записаны в ревизских сказках 1815 и 1834 гг. и которые носили и носят до сих пор их потомки, соответственно – Иван Кузьмин ("*Кулюкин*" - так называемая "уличная фамилия" отца жениха), Иван Горин, Родион Кузьмин (троюродный брат жениха, также из рода Кузьминых - "*Кулюкиных*", но уже выделившийся в отдельное хозяйство, за которыми потом по патрониму закрепилась "уличная фамилия" *Родионовых*), Василий Афанасьев ("*Тюрин*", отец невесты), Яков Астафьев (с начала XX в. фамилия стала писаться как Евстафьев), Марфа Родионова.

Кроме имен родившихся, умерших и вступивших в брак священник, ведущий записи, отмечал в метрической книге возраст умерших и вступающих

в брак. Как видно из выше приведенных примеров, возраст при этом показан с разной точностью, определяемой, как кажется, тем, считал ли нужным и смогли "регистратор" найти сведения о дате рождения субъектов церемонии в имеющихся в его распоряжении церковном или личном архивах. В записи о бракосочетаниях указаны также имена и родство с женихом и невестой поручителей на свадьбе, в записях о крещении - имена крестных отца и/или матери (восприемников). При этом до 1832 г. в метрической книге отмечался только один восприемник – мужчина (чаще брат отца или матери новокрещеного) у мальчиков и женщина (как правило, сестра отца или матери, или старшая сестра младенца) у девочек.

Отметим также, что в метрических книгах бывают пропуски в записях рождений и смертей. Например, в записях за 1788 г. в метрической книге Пурнемы (церковный экземпляр⁹⁹) пропущена запись о рождении 2 октября 1788 г. Устины дочери Акима Асонова¹⁰⁰ – имя ее находим лишь в духовных росписях за 1792 и 1799 гг.¹⁰¹ и в подлиннике метрической книги за 1788г., посланном в консисторию¹⁰².

Иногда отсутствие записи о смерти или рождении можно объяснить временным выездом семьи или отдельных ее представителей - информация о смерти таких лиц могла сообщаться приходскому священнику и попадать в метрические книги, но случаи такие единичны. Запись при этом имеет такой вид: "*крестьянин Софрон Онтонов сын умер сентября 12 день <1792 г.> на Мурманском берегу*"¹⁰³, "*июля 6 <1836> Антон Григорьев Бороткин 36 лет умер в горячке, погребен на кладбище Соловецкого монастыря*"¹⁰⁴ или "*мая 8 <1862 года> Павел Васильев Евстафьев 35 лет по свидетельству товарищей - брата его Алексея Евстафьева, Андрея Пасторова и квартирмейстера отставного солдата Федора Родионова утонул в море*"¹⁰⁵.

Иногда в метрических книгах утрачены или перепутаны листы. Так, в метрической книге пурнемской церкви¹⁰⁶ нет записей за 1783 год - то, что записано под этим годом, в действительности, произошло в 1793 г. В записях

⁹⁷ Родился 9 мая 1812 г.

⁹⁸ Запись о рождении будущей невесты 29 мая помещена в тетради, помеченной 1813 г., но в действительности относится, к 1808 г.

⁹⁹ ГААО. Ф.29. Оп.22. Д.11.

¹⁰⁰ Аким Насонов сын Семенов-Манаков (ок. 1757 – 1830).

¹⁰¹ ГААО. Ф.29. Оп.22. Дд.7, 60.

¹⁰² ГААО. Ф.29. Оп. 22. Д.26.

¹⁰³ ГААО. Ф.29. Оп. 22. Д.30.

¹⁰⁴ ГААО. Ф.29. Оп. 22. Д.12.

¹⁰⁵ ГААО. Ф.29. Оп. 22. Д.41.

¹⁰⁶ ГААО. Ф.29. Оп. 22. Д.11.

1788 года нет данных о воспреемниках и исповедании перед смертью, пропущена одна запись о рождении и неверно датирована одна из трех смертей (пропуски и разночтения могут быть определены по экземпляру метрической книги 1788 г., посланному в консисторию¹⁰⁷). Записи за 1791 год в церковной метрической книге Пурнемы имеют вид черновика, содержат только даты рождения и имена родившихся. И здесь полный текст вновь может быть восстановлен по консисторской копии, но в последней нет записи о том, что 4 ноября у Алексея Ильина <Горина> родился не только сын Андриан, но и "его же дочь Степанида", о чем есть запись в церковном экземпляре книги. Записи 1792 года помещены в метрической книге под 1808 годом, а те, что помечены как события 1792 г., в действительности, представляют собой черновую сокращенную копию записей за 1793 год, по ошибке подшитых на месте 1783 года, и, кроме того, текст этой "копии" испорчен вставкой, приведшей к курьезу: если верить этой странице метрической книги, у Саввы Власова <Кузнецова> 26 октября 1792 г. родился Яков, а 9 ноября того же года – дочь Матрона. В исправной, но неверно подшитой копии этой записи на месте имен Саввы Власова и сына его "Иакова" под 26 октября стоит "Павла Денисова <Родионова> сын Иван". Наконец, события 1808 года значатся в метрической книге под 1813 г., а записи 1813 г. утрачены. Записи за более позднее время, в общем, исправные.

Надеюсь, из сказанного читателям ясно, что в работе с метрическими книгами нам пришлось столкнуться с несколькими проблемами, решить которые помог лишь сравнительный анализ записей метрических книг и данных, зафиксированных в других источниках. Среди них в первую очередь следует назвать ревизские сказки VI - X ревизий. К сожалению, среди материалов II (1745 г.), IV (1782 г.) и V (1795 г.) ревизий, описывающих владения Соловецкого монастыря и Онежскую округу и хранящихся в Архангельском областном архиве¹⁰⁸, материалов по Пурнеме, Лямце и Нижмозеру нами не было выявлено. Среди известных нам материалов III ревизии¹⁰⁹ (1762 г.), сохранившихся в Архангельском областном архиве, данных по Онежскому берегу также не найдено.

¹⁰⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 22. Д. 26.

¹⁰⁸ ГААО. Ф. 1534. Оп. 1. Д. 16; Ф. 51. Оп. 11. Т. 25. Д. 5; Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Дд. 2708, 2709.

¹⁰⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Дд. 6009а, б, в, 6010а, 6010, 6011, 6232а, 6234.

Техника работы с ревизскими сказками относительно проста и неоднократно описана¹¹⁰. Ревизская сказка представляет собой подворную перепись всего податного населения села (в ней отсутствуют сведения о семьях причта). Порядок записей в сказке, в общем, соответствует положению дворов в деревне, от одного конца к другому. В ней указаны фамилии, имена и родственное отношение к старшему в доме. Указан возраст на момент предыдущей и настоящей ревизии. Специально отмечены лица, которые по возрасту не могли попасть в предшествующую сказку ("Леонтиев сын Степан вновь родился 27 октября 1854 г."¹¹¹). Сведений о людях, родившихся и умерших в интервале между ревизиями, в сказках нет. Если какого-то лица, записанного в предыдущую ревизию, на момент данной ревизии нет в наличии, указана причина отсутствия (например, "умер в 1796", или "отдан в рекруты в 1809 году", или "в отлучке с 1815 года", или "по указу Архангельской Казенной палаты переведен в 1827 году в Кемский уезд в Сумской посад в мещанство")¹¹².

Сведения ревизских сказок, как правило, точны и достоверны – перед отправлением в губернию, сказка прочитывалась на мирском сходе, подписывалась сказкосоставителями ("сказкосоставитель Пурнемской волости крестьянский сын Илья Яковлев Лазарев руку приложил. За неумением, вместо сказкосоставителя Пурнемской волости Леонтия Прокопьева <Никонова> руку приложил крестьянин Яков Лазарев. Пурнемской сельской управы старшина Фома Бутаков. На расписке Семена Родионова роспись"¹¹³), после чего в нее могли быть внесены дополнения и исправления ("роспись Пурнемской волости №71 Ивана Иванова Ларионова – написан он Ларионов, но прозывается настояще Степанов"¹¹⁴).

Для того, чтобы компенсировать лакуны в генеалогических данных, возникающие как следствие протяженных интервалов между ревизиями в XIX

¹¹⁰ Аксенов А.И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. С.16-26; Юрченко Н.Л. Некоторые проблемы использования ревизских сказок как источника по исторической демографии // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1993. Вып. 24, С. 183-188; Петриченко М.Б. Практические рекомендации по составлению крестьянских родословных (на примере документов, использовавшихся при составлении генеалогии Абросимовых и Петриченко). СПб., 2001; Тарасов-Борисенко М.В. Ареал генеалогии русских крестьян. СПб., 2001.

¹¹¹ ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 23. Д. 426.

¹¹² ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 2. Д. 3259; Ф. 51. Оп. 11. Т. 8. Дд. 12905, 12863; Ф. 61. Оп. 11. Т. 4. Дд. 8433, 8434;

¹¹³ ГААО. Ф. 51. Оп. 11. Т. 8. Д. 12863.

¹¹⁴ Ларионов - "дедчество" И.И. Степанова.

веке (1811-1815-1834-1850-1858 гг.), мы проанализировали записи духовных росписей по Пурнеме за 1792, 1799, 1804, 1809, 1812, 1824, 1844, 1877, 1887, 1904, 1914 гг. В отличие от ревизий, духовные росписи – посемейные списки прихожан ("включая суших младенцев"), бывших и не бывших в течение года у исповеди и святого причастия, подавались в консисторию ежегодно. Порядок семей в духовных росписях второй половины XIX в. такой - сначала переписаны семьи "духовного звания", затем "военного ведомства" (отставные и запасные солдаты и их вдовы) и, наконец, крестьяне. Порядок перечисления последних, как правило, соответствует порядку семей, перечисленных в ревизских сказках. В них также указаны родственные отношения между главой семьи и прочими ее членами и возраст всех упомянутых лиц. В духовных росписях конца XVIII - начала XIX веков главы семейств поименованы в стиле "бинарной" номенклатуры (обычно имя и отчество, иногда имя и "уличная" или "ревизская" фамилия). Техника работы с исповедальными ведомостями описана, например, М.М. Громыко¹¹⁵ и М.Б. Петриченко¹¹⁶.

Для анализа родственных связей жителей поморских селений конца XIX века бесценная информация содержится в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи (собирались в феврале 1897 г.)¹¹⁷. Значение ее, прежде всего, – в том, что она содержит данные о месте рождения, уровне образования и источниках существования местных жителей¹¹⁸.

Из-за проблем с получением документальной информации о ныне живущих лицах, наиболее сложной задачей для генеалога, изучающего не только родословную своей семьи, но и родословные более или менее значительной популяции, является сбор достоверной информации о родственных связях и происхождении лиц "советского" периода российской истории. Основным источником здесь – память местных жителей. В 1970-1998 гг. мы собрали такие сведения по Пурнеме. Список основных информаторов приведен в конце данной статьи.

¹¹⁵ Громыко М.М. Социально-экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири // История и генеалогия: С.Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 197-237.

¹¹⁶ Петриченко М.Б. Практические рекомендации... С.19-21.

¹¹⁷ ГАО. Ф.6. Оп.18.

¹¹⁸ Тарасов-Борисенко М.В. Ареал генеалогии русских крестьян. С.87-88.

Надо сказать, что интерес к своим родословным традиционен для северного крестьянства в целом и для поморов в частности. Примечательный факт: английский путешественник XVII в. Ричард Джеймс (Джемс), находясь в Холмогорах осенью 1618 - весной 1619 гг., отметил в своей записной книжке, что здесь все хранят дома "svertoc" (*catalogus genealogiae*, переводит Джемс) - перечень предков, который, "когда наступает годовщина смерти родителей, они несут к священнику, и он, читая все имена, совершает молитву за весь род". "Это называют *romenania*, что, собственно, значит "память", отмечает Джемс¹¹⁹.

В последней трети XX века глубина генеалогической памяти поморов Онежского берега редко простиралась далее уровня прадедов и прапрадедов. Однако знать своих предков и компетентно судить о степени их родства с иными лицами, о которых зашла речь в разговоре о "старых временах", считается почетным и престижным. Некоторые из наших корреспондентов, прежде всего Платонида Алексеевна Рябова (1911-1979) и Александра Ивановна Горина (р. 1919), в последней трети XX в. уверенно перечисляли своих предков по мужской и женской линиям и отдаленных родственников, живших в конце XVIII - первом десятилетии XIX в.¹²⁰ Сведения информаторов о родстве и происхождении лиц, живших в конце XVIII-XIX вв., мы проверяли по метрическим книгам, духовным росписям и данным переписи 1897 г. Как показывает этот анализ, представления наших информаторов о родственных взаимоотношениях, в целом, соответствовали действительности, отличаясь от прошлой реальности пропусками рано умерших лиц, оказались забыты часть ушедших в другие дома в замужество невест и несколько рекрутов. Устная родословная память почти не содержит дат жизни предков, однако родственные связи между родами, в общем, зафиксированы в памяти почти безошибочно. Впрочем, в пределах семьи возможны ошибки, связанные со смещением поколений (типа "дядя-брат").

¹¹⁹ Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.). Л., 1959. С. 111.

¹²⁰ Родионов А.В. К методологии генеалогического исследования крестьян-поморов // Известия РГО (далее ИРГО). 1995. Вып. 3. С. 24-30.

Сложней с источниками, с помощью которых можно проверить родословную память информаторов о событиях советского периода. Несмотря на многочисленность и разнообразие источников, содержащих в той или иной степени важную генеалогическую информацию об этом времени¹²¹, использовать многие из них при реконструкции родословных более или менее широкого круга семей практически невозможно. В частности, закон охраняет сведения о семейных отношениях граждан в течение 75 лет с момента совершения акта. С соответствующими документами можно ознакомиться только с нотариально заверенного разрешения лица, на которого документ заведен¹²², что почти исключает возможность использовать при решении описанной нами задачи - построения генеалогических схем села, группы сел, берега, - архивы ЗАГСов. В нашем случае, наиболее доступными, полезными и информативными источниками при исследовании родственных связей жителей Пурнемы и Лямцы за советский период истории оказались похозяйственные книги сельских советов (администрации), домовые книги для прописки граждан и, в несколько меньшей степени, книги учета членов колхоза и их семей.

Похозяйственные книги содержат информацию о родственных отношениях совместно проживающих лиц, точные даты рождения. С течением времени, в них появляются приписки, отмечающие даты смерти. Отмечены должность или источник средств к существованию ("*пенсионер по старости*", "*инвалид III группы*", "*на содержании у жены*" и т.п.), указан уровень образования, есть сведения о движимом и недвижимом имуществе. Отмечены миграции: "*выехала на учебу в Плисецк*", "*все выбыли 19 апреля 1994 г. в Ставропольский край, Прикубанский район*".

В домовых книгах лица перечислены в порядке, определяемом временем, когда человек прописывается или перепрописывается в связи, например, с обменом паспорта. В книге указаны фамилия, имя, отчество, место и

¹²¹ Рыхляков В.Н. Об особенностях генеалогического поиска материалов XX века // ИРГО. 1998. Вып. 9. С. 12-23; Борисенко М.В. Архивная сеть учреждений и поиск материалов по учету сельских жителей России советского периода // ИРГО. 1998. Вып. 9. С. 23-28; Анисимова И.А. О некоторых генеалогических источниках советского периода (на примере Санкт-Петербурга) // ИРГО. 1998. Вып.9. С.29-32; Конова М.Л. Из опыта поиска документальных материалов по родословной и истории семьи Шмидтов // ИРГО. 1998. Вып.9. С.33-40; Богинский А. Архивы "силовых" ведомств Российской Федерации // Генеалогический вестник. 2001. Вып.2. С.40-45.

¹²² Рыхляков В.Н. Об особенностях генеалогического поиска материалов XX века. С.21.

дата рождения, должность. Вносятся отметки с датами смерти. Отмечается выезд на новое место жительства. К сожалению, в похозяйственные списки и домовые книги вносятся сведения только о лицах постоянно прописанных (зарегистрированных) в данном населенном пункте. Никаких сведения о семьях и даже владельцах домов, принадлежащих гражданам, зарегистрированным вне села, нет, пусть даже они живут в доме круглогодично. Сведения о таких лицах время от времени появляются в таких специфических источниках, также хранящихся в администрации села, как журналы регистрации заявлений о вступлении в брак и книги по учету прихода и расхода бланков свидетельств о смерти и рождении. Собственно копии выданных свидетельств о браке, рождении и смерти хранятся в администрации только в течение календарного года, по истечении которого передаются в архивы ЗАГС. Сами заполненные свидетельства представляют собой документы, подпадающие под закон об охране тайны личной жизни, и знакомство с их содержанием должностными инструкциями не поощряется. Книжки же учета выдачи бланков свидетельств формально не относятся к "закрытым" документам, и из них можно почерпнуть сведения о датах, когда выдавались свидетельства о рождении и смерти (обычно, но не всегда, эта дата на день или на несколько дней отличается от действительной даты рождения/смерти). Указано, кому выдано это свидетельство. Сведения, конечно, ограниченные, но иногда, за неимением других источников, представляющие интерес для исследователя.

Ценный генеалогический источник - Книга Памяти Архангельской области и ее Интернет-версия на сайте www.soldat.ru¹²³. Она содержат сведения о 101 представителе пурнемских родов, призывавшихся военкоматами Архангельской области и погибших в годы Великой Отечественной войны. Лица, призванные вне Архангельской области, в списки не попали. Составленные на основании документов военного времени, данные Книги Памяти и базы данных не всегда корректны. Некоторые из упомянутых в них лиц в действительности благополучно здравствовали после войны, обнаружены также очевидные ошибки в именах и датах рождения.

Catalogus genealogia: Пурнема.

Ниже приведен полный список всех родов, члены которых жили в Пурнеме во второй половине XVIII - XX вв. в течении жизни по крайней мере трех поколений. Для всех них нами составлены генеалогические таблицы, обычно

¹²³ Книга Памяти Архангельской области. Архангельск, 1995; Книга Памяти Архангельской области. www.soldat.ru.

охватывающие для каждого рода период с 1720-1740 по конец 1990-х гг. Таких родов пятьдесят. В случаях, когда род за исследуемый период разветвился и выделившиеся в отдельные "поместья" (местный термин) ветви семьи имеют особый номен ("уличную фамилию"), последний указан курсивом.

Агафоновы – потомки Михаила Агафопова из Пушлахты (ок. 1900 - ок. 1942) и Агнии Александровны, урожд. **Крюковой** (1908-1992);

Алимовы – от братьев Якова (1730-1788) и Антона (1746-1786) **Алимовых**; **Андреевы** – "*Удаловы*" – ветвь **Старицыных** (от Андрея Старицына (1740/1742-1809);

Андреевы – "*Трофимовы*" – ветвь **Егоровых-Заболотных** (от Конана Егорова сына **Заболотного** (1749/52 - 1798) и Ефимьи Андреевны (Старицкиней или **Шангиной**) (1755/58 - 1835), по имени отца которой и получили фамилию в ходе ревизии 1815 г.;

Аникиевы – "*Травниковы*" и "*Мокеевы*" – от Андриана (1703-1784) и Максима (1720-1798) Аникиевых детей *Травникова*;

Аникины – от Александра Аникина (род. около 1910) из Саратова и Анны Максимовны **Кузьминой** (род. около 1916);

Архиповы – "*Михеевы*" и "*Архиповы*" – от Ивана Архипова сына (1729-1797);

Афанасьевы – "*Тюрины*" – от Афанасия Логинова сына **Тюрина** (первая треть XVIII в.), бывшего братом (единоутробным или двоюродным ?) Петра Лазарева сына, от которого пошли **Шамовы** и **Кожевниковы**;

Бородкины – от Ивана Архипова сына **Бороткина** (род. около 1720 г.);

Бровковы – "*Семеновы*", "*Сергины*", "*Ивановы*" и "*Бровковы*" – от Ильи и Алексея **Бровковых** (первая четверть XVIII в.);

Вагановы – потомки Ивана Яковлева сына **Ваганова** († до 1780 г.). Род вымерший. От брата его Никиты Яковлева пошли **Никитины**;

Горины – от Артюшки Горы (упомянут в книгах отписных вотчины Соловецкого монастыря 1668 г.¹²⁴;

Давыдовы – от Лазаря (р. 1746) и Емельяна (1755-1810) Сергеевых детей Давыдова. Род вымерший;

Дьячковы – от дьячка Никольской церкви в Пурнеме Ивана Ивановича Пасторова (1736 -1801) (см. **Пасторовы**), род вымерший;

Евстафьевы (в XVIII в. – **Остафьевы**, в XIX в. – **Астафьевы**) – "*Заграничины*" и собственно "*Евстафьевы*" – от Остафия Остафьева сына (род. около 1700 г.);

Егоровы – "*Зорины*" и собственно "Егоровы" – от Егора **Заболотного** (род. ок. 1700). Род разделился на **Егоровых** и **Андреевых** – "*Трофимовых*";

Елизаровы – "*Логиновы*" и "*Даниловы*" – от Ивана (род. около 1720 г.), Терентия (1725-1790), Митрофана и Осипа (1727-1787) Елизаровых детей;

Елисеевы – от Никиты Иванова сына Елисеева (1746-1817), род вымерший;

Заболотные – к началу XIX в. разделились на **Андреевых**, **Егоровых** и **Шадриных**.

Ивановы – от Ивана Иванова сына (1699-1787) и Степана Иванова сына. Род вымерший;

Исаины – от братьев Ефима (1738-1801), Кирилла и Дмитрия (1758-1808) **Исаиных**. Род вымерший;

Каменские – от Зосимы Ивановича **Каменского** (1907 - 1979), родом из Пушлахты и Варвары Павловны Елизаровой (урожд. **Бровковой**) (род. 1895);

Кожевниковы – от Лазаря (1725 - 1790), родоначальника **Кожевниковых** и **Шамовых**;

Коловы – от Леонтия Алексея сына **Колова** (род. около 1730 г.);

Крюковы – "*Артемеевы*", "*Кутыричи*" и собственно "*Крюковы*" – от Якова Клементьева сына **Крюкова** (род. около 1710 г.);

Кузнецовы – "*Савины*" – от Захара и Якова **Кузнецовых** (род. около 1700 г.);

Кузнецовы – "*Сидоровичи*" – от Тимофея Федорова сына **Кузнецова** (род. около 1725 г.);

Кузьмины – "*Кулюкины*" и "*Родионовы*" – от Остафия (1748-1811) и Абрама (1748 - 1797) Козминых детей Кулюкиных и, вероятно, от Давыдки Кулюкина, упомянутого в Описи 1668 г.¹²⁵;

Лазаревы – "*Белины*" – от Якова Лазарева сына (1741-1832);

Ларионовы – "*Потетовы*" и "*Петуховы*" – от Ивана и Алексея Козминых детей **Ларионовых**;

Манаковы (они же **Семеновы**, **Насоновы**) – от Ануфрейко Монака (уп. 1668 г.¹²⁶); потомки Насона (1717-1787) и Игната (1721-1790) Семеновых детей **Манаковых**. Род вымерший;

Михайловы – от Федота Михайлова сына **Рябова** (1739-1808), ветвь **Рябовых**;

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁴ Книги отписные вотчины Соловецкого монастыря Сумского острога с селами и деревнями 1668 г. Соловецкие акты (Корректирующие листы неисполненного издания Археографической комиссии, хранящиеся в Рукописном отделе Библиотеки Российской Академии наук, СПб.)

Никитины – "*Наволосневы*", "*Калинины*" и "*Полковниковы*" – потомки Никиты Яковлева сына **Ваганова** (1715-1780);

Никоновы – "*Грумалановы*"¹²⁷ и собственно "*Никоновы*" – потомки Евтихия (1727-1797) и Никифора (1742-1802) Михайловых детей **Говорухинных-Никоновых**;

Пасторовы – семья священослужителей церковью Онежского берега, разделившаяся на собственно **Пасторовых** (от священника Никольской церкви в Пурнеме Ивана Ивановича **Пасторова** (род. около 1730 г.), **Дьячковых** – от дьячка Никольской церкви в Пурнеме Ивана Ивановича **Пасторова** (1736-1801) и крестьянский род **Поповых** – "*Егоровых*" – от Егора Иванова сына **Пасторова** (род. 1762 г.);

Поповы – "*Егоровы*" – см. Пасторовы;

Резины – от Александра **Резина** из Нижмозера (род. около 1930);

Родионовы – "*Коловы*", "*Павловы*", "*Макаровы*" от Дениса Иванова сына Родионова (1722/25 -1802) и "*Максимовы*", "*Денисовы*", "*Патины*", "*Кузьмины*", "*Левовы*" от Василия Фомина **Родионовых** (нач. XVIII в.); по-видимому, потомки Родиона Назарова (-1668-)¹²⁸;

Рябовы – от Ивана Михайлова сына (умер до 1792), брата его Федота Михайлова, основателя рода **Михайловых**, и Амоса Михайлова сына (1715-1796);

Сидоровы – "*Широковы*" и собственно "*Сидоровы*" – потомки Федора, Мирона (1731-1790) и Ивана (род. около 1720 г.) Сидоровых детей **Сидорова**;

Старицины – "*Павлиновы*", "*Калинкины*" и собственно "*Сидоровы*" – потомки Исаака и Кузьмы **Старициных** (упомянут в 1668 г.)¹²⁹;

Степановы – "*Короваевы*" – потомки Панкрата Степанова сына (род. около 1725 г.);

Сурнины – от Родиона, Ефрема, Ильи Архиповых детей **Сурнина**. Основатель рода – Евсей Сурна (упомянут в 1668 г.). Род в Пурнеме вымерший; Матвей Матвеев сын **Сурнин** в 1827 г. переведен в Сумской посад "в мешанство";

Сухановы – "*Багаевы*", "*Федуловичи*", "*Карпейчи*" – потомки Степана и Григория **Сухановых** (начало XVIII в.);

Сысоевы – см. **Шадрины**.

¹²⁷ Бытование фамильного прозвища *Грумалановы* примечательно: грумаланы на поморском диалекте – это промышленники, промышленявшие на Груманте (Шпицбергене).

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

Терентьевы – от Терентия Елизарова (1725-1790), ветвь **Елизаровых**;
Фомины – потомки Ивана и Василия **Фоминых** (род. в 1721 и 1728 гг.);
Чубаровы – от Никифора Степанова сына **Чубарова** (род. около 1720 г.);
Шадрины – от Кирилла Павлова сына **Шадрина** (1745-1808). Род вымерший. От Малахия Сысоева сына **Шадрина** (1753-1836) пошел род **Сысоевых**;
Шамовы – от Лазаря (1725-1790), основателя родов **Шамовых** и **Кожевниковых**;
Шангины – "*Максимовы*" и собственно "*Шангины*" – от Степана (род. около 1700 г.) и Ефима (род. около 1720 г.) **Шангиных**.

Брачные связи поморов Пурнемы в конце XVIII – первой половине XX в. по результатам генеалогического исследования

Рассмотрим некоторые особенности формирования генотипа поморов Онежского берега (на примере Пурнемы) в конце XVIII – первой половине XX в. Таблицы 1 и 2, построенные на основании генеалогических данных, показывают, что в XIX – начале XX века абсолютное большинство брачных партнеров женихов и невест Пурнемы были жителями Пурнемы и ближайших к ней сел Лямцы и Нижмозера. Это наблюдение показывает, что приводимая Т.А. Бернштам поморская поговорка "Хоть за батожок"¹³⁰, да на свой бережок!¹³¹ вполне может рассматриваться в качестве императива в брачных отношениях поморов Онежского берега в доколхозный период. При этом брачная миграция в конце XVIII – первой половине XIX в. в нашем случае касается только женской части населения – все отмеченные в таблице 1 браки пурнемских невест и "сторонних" женихов сопровождалась "экспортом" невест. За исследованный нами двухсотлетний период с 1780 по 1980 г. в Пурнеме закрепились и жили на протяжении не менее трех поколений представители лишь нескольких "иногородних" родов. Все они потомки переселенцев уже советского времени: Каменские и Агафоновы (и те, и другие – выходцы из Пушлахты 1930-х годов), Резины (из Нижмозера, 1950-е годы) и

¹³⁰ Батожок – палка, очищенный от веток ствол молодого дерева, обычно березы, используемая как посох или кнутовище кнута. В словаре В.И. Даля отмечено, что в начале XIX в. в говоре жителей Архангельской губернии было слово "батожник – тралезник, церковный сторож с батожком". Не был ли смысл поговорки, первоначально, таким: "Хоть за церковного сторожа, да на свой бережок"? Автор благодарен И.В. Сахарову за совет "на всякий случай заглянуть в Даля".

¹³¹ Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л., 1983. С. 120.

Таблица 1. Брачные связи жителей села Пурнема (1780–1850 гг.)

Происхождение жены	Происхождение мужа				Всего
	Пурнема	Лямца	Нижмозеро	Пушлахта	
Пурнема	207	1	0	3	211
Лямца	19		0		19
Нижмозеро	9	1	0	0	10
Кянда	7	0	0	0	7
Пушлахта	1	0	0	0	1
Уна	0	0	0	2	2
Карелия	1	0	0	0	1
Всего	246	2	0	3	251

Аникины (из приехавших в эвакуацию во время Отечественной войны). В Лямце – одна новая фамилия (сотрудники метеостанции), в Нижмозере – ни одной. В то же время, среди оставивших потомство женщин (здесь, в отличие от данных табл. 2, по понятным причинам, учитываем только постоянно проживавших в Пурнеме) – 38 из Лямцы, 15 из Нижмозера, 12 из Кянды, 9 из Пушлахты, 3 из Тамицы (всего из сел Онежского берега – 77), 3 – из Уны (Летний берег Белого моря), 2 – с Онеги, одна ненка, одна "чухонка" из Петербургской губернии (вероятно, ингерманландка), одна карелка из Кемского уезда. Происхождение еще шести "сторонних" невест выяснить не удалось. Приведенные данные еще раз показывают, что генетическая конституция локальных популяций по "мужской" и "женской" линиям может принципиально различаться.

Как показывают таблицы 1 и 2, на протяжении более чем полутора веков в Пурнеме в подавляющем большинстве случаев брачный партнер выбирался среди жителей своего села, и такая же картина наблюдалась здесь и в более ранние времена. Данное явление было характерным и для других сел Онежского берега.

Эта ситуация заслуживает комментариев.

Как уже говорилось выше, эти села представляют собой цепочку замкнутых популяций, популяций-изолятов. Тот факт, что браки заключались преимущественно в пределах своего села или, в крайнем случае, в пределах своего берега, объясняется не только значительной удаленностью сел друг от друга и, тем более, от других населенных пунктов, но и сознательным стремлением находить невест и женихов среди "своих".

Таблица 2. Брачные связи жителей села Пурнема во второй половине XIX – первой половине XX века

Происхождение супругов	Браки 1860–х гг.	Браки 1870-90-х гг.	Браки 1900-20-х гг.	Браки 1930-50-х гг.
Пурнема – Пурнема	29 (72,5%)	144 (86,7)	231 (81,3)	182 (38,2%)
Пурнема – Онежский берег	10 (25%)	21 (12,6%)	47 (16,5%)	83 (17,4%)
Пурнема – Поморье	0 (0%)	1 (0,6%)	2 (0,7%)	39 (8,2%)
Пурнема – прочие	1 (2,5%)	0 (0,0%)	4 (3,0%)	173 (36,2%)

Однако этот процесс, можно сказать, "варения в собственном соку" на протяжении двух, а то и трех и более столетий - то есть на протяжении жизни многих сменявших друг друга поколений - неизбежно приводил к тому, что все больше односельчан постепенно оказывались во все более тесном и все более "переплетенном" родстве друг с другом.

Между тем, брачное право русской православной церкви весьма строго и детально регламентировало возможность заключения брака между родственниками, и круг видов родства, составляющих препятствие к браку, был достаточно широк¹³². Так, вплоть до начала XIX в. строго запрещалось венчать троюродных брата и сестру, двоюродных дядю и племянницу и так далее. В дальнейшем, продолжая считать идеальным брак, заключенный не ближе как в восьмой степени родства, церковь пошла по пути некоторой либерализации, однако вплоть до начала XX в. запрещения охватывали достаточно широкий круг родственных отношений. Имеющиеся у нас материалы показывают, что эти ограничения при осуществлении актов бракосочетания в конце XVIII – начале XX вв. в изучаемом районе соблюдались.

Более того, степени отношения свойства (то есть квазиродственных отношений, возникающих между родственниками жениха и родственниками

¹³² Сахаров И.В. Генеалогические аспекты брачного права русской православной церкви // Генеалогические исследования. М., 1994. С. 59-68; Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии // Труды Архангельского губернского Статистического Комитета за 1867 и 1868 г. Архангельск, 1868. Вып.3. С.26-27; Крюкова С.С. Русская крестьянская семья во второй половине XIX в. М., 1994. С. 104-112.

невесты после заключения брака) приравнивались к кровно-родственным отношениям и соответствующим образом принимались в расчет при определении возможности брака (например, запрещались браки между родными братьями и родными сестрами). То же самое относится и к духовному родству (отношениям, возникающим после совершения обряда крещения между восприемником и его родственниками, с одной стороны, и крестником или крестницей и их родственниками, с другой). Различие, в данном случае, состояло лишь в том, что кровное родство не препятствовало формированию родства духовного: так, в Пурнеме в XVIII-XIX вв. крестными отцами и божатками (крестными матерями), как правило, были родные тетушки, дяди и деинки (жены дядей) крещаемого младенца. С конца 30-х годов XIX в. по указам Синода родство духовное во все большем числе случаев перестало рассматриваться как препятствие к браку, однако, как отмечает П.С. Ефименко¹³³, в обычном праве браки, заключенные в духовном родстве, осуждались, особенно старообрядцами.

В этих условиях поиск жениха и невесты среди односельчан, чьи родословные при их сопоставлении отвечали бы строгим церковным канонам, не мог не представлять большую сложность, и, следовательно, как хорошо должны были новобрачные и их родня ориентироваться в своей генеалогии и помнить, кто кому кем приходится не только по линии кровного родства, но и по линиям свойства и духовного родства, чтобы не впасть в ошибку и не вступить в неправильный брак, который впоследствии мог бы быть сочтен недействительным, а родившиеся в нем дети признаны незаконными!

Так или иначе, в каждом из сел Онежского берега подавляющее большинство односельчан и, в частности, большинство супругов приходились друг другу более или менее близкими родственниками. Известные всем генеалогам слова А.А.Блока "дворяне все родня друг другу" вполне могут быть отнесены и к коренным жителям Пурнемы и других береговых поселений. Эти родственные связи, в том числе и достаточно далекие, могут быть прослежены. При этом обнаруживается, что родство между супругами имеет место сразу по нескольким генеалогическим линиям, что оно имеет "множественный", многократно переплетенный характер. Типичная картина множественного родства приведена на составленной нами родословной схеме (см. вкладку 1), отражающей входящие родственные связи Николая Авдеевича Крюкова и его жены Екатерины Ивановны, урожденной Евстафьевой (Пурнема). Брак был заключен около 1960 г. На схеме указаны только прямые предки прабабушек, братья и сестры предков в схему не вошли.

¹³³ Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев... С. 27.

П.С. Ефименко сообщает, что, несмотря на то, что узаконенным возрастом вступления в брак являлось 18 лет для жениха и 16 лет для невесты, в середине XIX века в Лямце *"старались выдать замуж невесту в пожилых летах, иногда в 25 лет, <...> говорят "Эка, парень, корми да воспитывай дочь свою, да <...> поскорее и выдавай в работницы чужому человеку, а родителям-то своим она когда заработает за воспитание? Нет, так нам не надо"*¹³⁴. Тот же автор сообщает, что, по уверению местных священников, браки, когда невесте больше лет, чем жениху, были запрещены; однако, по его наблюдениям, по крайней мере для Холмогор, это утверждение не соответствует действительности. Наши данные по бракам в Пурнеме и Лямце согласуются с представлениями П.С. Ефименко. Среди браков, заключенных в Пурнеме в 1780-1862 гг., наиболее часто наблюдались такие, когда невестам было 20-24 года, а женихам - 24 - 26 лет. Однако в некоторых случаях разница в возрасте между женихом и невестой могла достигать 10-12 лет, причем в обе стороны. Самые "юные" из заключенных в 1780-1862 гг. брачных союзов - два брака, в которых жениху 16 лет, а невесте 14.

Число детей, рожденных в браке за этот период, варьировало от 1 до 11 в разных семьях. Мальчиков рождалось больше, чем девочек (54% против 46%). Примерно 10% браков были бездетны. В возрасте до года умирало 22% девочек и 30% мальчиков, причем сведения метрических книг в этом пункте неполны - анализ метрических книг показывает, что в конце XVIII - начале XIX в. умершие в младенчестве в некоторые годы не попадали ни в раздел "родившиеся", ни в раздел "умершие".

Завершая описание особенностей формирования группы поморов Онежского берега, выполненное нами на основе построения родословных росписей исследование матримониальных связей поморов Онежского берега в конце XVIII-XX вв., отметим, что базы генеалогических данных, охватывающие не только отдельные семьи, но и более или менее представительные выборки, характеризующие социальные и этнические группы в разных районах России, представляют собой удобный исходный материал для будущих исследований, причем не только в области конкретно-исторического (историко-биографического) знания, но и для исследователей социальной психологии, этнографов, медицинских генетиков и молекулярных биологов.

В заключение, хочу отметить, что толчком к проведенному исследованию послужила имевшая место в 1971 г. случайная встреча автора с ныне покойным московским генетиком Анатолием Арсеньевичем Ревазовым, приступившим тогда к исследованию генетики населения Северо-Запада России.

¹³⁴ Ефименко П.С. Сборник народных юридических обычаев... С. 27-28.

На начальном этапе сбора и первичной обработки данных о генеалогии поморов Пурнемы неоценимую помощь оказал мне мой отец Викентий Александрович Родионов (1913 - 1992). Автор благодарен за предоставленную информацию о родословных связях Егору Гавриловичу (†) и Наталье Зотиковне (1906 - 1999) Алимовым, Анне Самуиловне (1909 - †) и Антону Ивановичу (1897 - 1979) Андреевым, Дарье Алексеевне Аникиевой (род. 1919), Тамаре Федоровне Аникиной (1937 - 1999), Фекле Конановне Афанасьевой (1915 - 1997), Татьяне Ивановне Бородкиной (1906 - †), Анне Степановне Бровковой (род. 1906), Александре Яковлевне Бушуевой (†), Александре Ивановне (род. 1919) и Ивану Романовичу Гориным (род. 1925); Ирине Александровне Грибковой (род. 1953), Анне Лаврентьевне (1894 - 1977), Елизавете Евстигнеевне (род. 1929), Ивану Степановичу (1905 - †), Илье Степановичу (1910 - 1989), Марии Григорьевне (1894 - †) и Ульяне Терентьевне (1890 - 1981) Евстафьевым, Миропее Никифоровне Егоровой (1903 - †), Анне Макаровне (1907 - 1999), Василию Осиповичу (†) и Екатерине Севастьяновне (†) Елизаровым, Наталье Петровне Ивкиной (род. 1952), Милитине Калистратовне Колпаковой (род. 1916), Александру Кельсиевичу Костину (род. 1950), Авдису Егоровичу (1899 - 1983), Агнии Александровне (1908 - 1992), Анне Андреевне (1901 - 1987), Раисье Ивановне (1895 - †) и Февронье Григорьевне (1900 - 1992) Крюковым, Петру Яковлевичу (род. 1929) и Павле Викторовне (1921 - 1993) Кузнецовым, Домне Степановне Кузьминой (1895 - 1980), Якову Клементьевичу Ларионову (1913 - †), Марксене Васильевне Манаковой (род. 1926), Николаю Филипповичу Михайлову (род. 1952), Егору Созоновичу (1905 - 1977) и Агафье Степановне (1907 - 1990) Никоновым, Августе Яковлевне (1896 - 1980), Николаю Тимофеевичу (род. 1934), Лие Федоровне (род. 1937), Марии Ксенофонтовне (1907 - 1989), Надежде Анфимовне (род. 1926) и Надежде Павловне (1898 - 1981) Родионовым, Елизавете Максимовне Романько (1927 - 1998), Фекле Григорьевне Рыбиной (род. 1922), Варваре Николаевне (род. 1911) и Платониде Алексеевне (1911 - 1979) Рябовым, Елене Еремеевне Сидоровой (р. 1910), Афанасье Леонтьевне Сухановой (1897 - 1986), Надежде Лазаревне Тепленко (1928 - 1989), Александре Степановне Фоминой (1905 - 1989), Анне Сергеевне (род. 1921) и Людмиле Федоровне (1898 - 1985) Шангиным.

А.С. Дубин*

НЕУРЯДИЦЫ В СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ КНЯЗЕЙ НЕСВИЦКИХ

В 1508 году из Литвы в Москву выехал князь Василий Несвицкий. В качестве причины этого выезда князь П.В. Долгоруков называет гонения, обрушенные правителями Великого Княжества Литовского на представителей местной знати, преданных православию¹. Очевидно, это было связано с восстанием группы князей против короля Сигизмунда I².

О происхождении князя Василия не существует единого мнения³. Однако наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой князья Несвицкие - потомки князя Корибута-Дмитрия Ольгердовича, внука Великого князя Литовского Гедимина. Прозвание же Несвицких (они иногда писались также Несвижскими и Несвитскими) происходит или от города Несвиж в Белоруссии⁴, или от города Несвич, что на Волыни⁵.

Родословная князей Несвицких - потомков упомянутого князя Василия - не раз становилась предметом внимания российских генеалогов. Первым поколенную роспись этого княжеского рода составил В.В. Руммель⁶. В этой росписи, начинающейся с князя Василия, в одиннадцати поколениях со-

* Арсений Семенович Дубин, кандидат исторических наук, архивист, ныне внештатный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга, член Совета РГО.

¹ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1856. Ч.3. С.33

² Зимин А.А. Новое о восстании Михаила Глинского в 1508 г. // Советские архивы. 1970. № 5. С. 72-73.

³ Wolff J. Ród Gedimina. Kraków, 1886; Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895; Баумгартен Н.А. Происхождение князей Вишневецких, Збаражских и Воронежских // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1910. Вып.4 (24). С.27-33; Любимов С.В. Опыт исторических родословий: Гундоровы, Жижемские, Несвицкие, Сибирские, Зотовы и Остерманы. Пг., 1915. С. 35; Гребельский П.Х., Думин С.В. Князья Несвицкие // Дворянские роды Российской Империи. Т.2. Князья. СПб., 1995. С.91.

⁴ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч.3. С.33; Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887. Т.2. С.166; Гребельский П.Х., Думин С.В. Князья Несвицкие. С.90-92.

⁵ Любимов С.В. Опыт исторических родословий. С.35.

⁶ Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т.2. С.166-171.